«МИР БОЛЬШЕ ПЯТИ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ТУРЦИИ

Каюмова Мадинабону Лазизовна
Магистрант Университета мировой экономики и дипломатии
https://doi.org/10.5281/zenodo.21884257

Аннотация

В статье исследуется вопрос о том, является ли лозунг президента Турции Р.Т.Эрдогана «Мир больше пяти» (тур. Dünya beşten büyüktür) проявлением неоосманистской идентичностной риторики или же отражением перехода Турции к стратегии стратегической автономии в условиях многополярного мирового порядка. Существующая литература рассматривает эти два объяснения преимущественно раздельно: одни авторы трактуют лозунг как продолжение цивилизационного, идентичностного дискурса, восходящего к доктрине «Стратегическая глубина», другие связывают его с прагматичной логикой хеджирования между центрами силы. Опираясь на хронологический и контекстуальный анализ, статья сопоставляет динамику риторики с материальными индикаторами стратегической автономии (диверсификация оборонных партнерств, программа KAAN, хеджирование между США, Россией и Китаем) и с идентичностными индикаторами неоосманизма (адресация Глобальному Югу и мусульманскому миру, апелляция к цивилизационной справедливости). Делается вывод, что ни одно из двух объяснений по отдельности не является исчерпывающим: лозунг «Мир больше пяти» функционирует как неоосманистская дискурсивная оболочка, легитимирующая материальную логику стратегической автономии перед разными аудиториями одновременно.

Ключевые слова: неоосманизм, стратегическая автономия, «Мир больше пяти», внешняя политика Турции, многополярность, хеджирование, конструктивизм.

Лозунг «Мир больше пяти», который президент Турции Р.Т.Эрдоган систематически повторяет с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН начиная с 2014 года, за прошедшее десятилетие превратился из риторической фигуры в устойчивый элемент турецкого внешнеполитического дискурса. Его интерпретация в академической литературе, однако, остается расколотой между двумя объяснениями.

Первое связывает лозунг с неоосманизмом – комплексом идей, апеллирующих к османскому историческому и цивилизационному наследию для обоснования особой, надрегиональной роли Турции (Aral, 2019; Dudlák, 2025).

Второе объясняет ту же риторику логикой «стратегической автономии» – прагматичной, не привязанной к идентичности позицией средней державы, стремящейся сохранить маневренность между центрами силы формирующегося многополярного порядка (Aydın-Düzgit et al., 2026; Öniş & Kutlay, 2021).

Основной исследовательский вопрос настоящей статьи формулируется следующим образом: является ли концепция «Мир больше пяти» проявлением неоосманизма, или она отражает переход Турции к стратегии стратегической автономии?

Отвечая на этот вопрос, статья не описывает генезис и содержание самого лозунга – этот сюжет достаточно изучен в литературе, а сопоставляет два конкурирующих объяснения через анализ того, с какими именно процессами хронологически и содержательно коррелирует его усиление после 2024 года.

Теоретические основания: два конкурирующих объяснения

Неоосманистское прочтение

Неоосманистская интерпретация опирается на конструктивистскую традицию международных отношений, рассматривающую внешнюю политику как продукт коллективной идентичности, а не только материальных интересов (Wendt, 1999). В этой оптике лозунг «Мир больше пяти» продолжает логику «исторической глубины» из доктрины «Стратегическая глубина» А.Давутоглу (Davutoğlu, 2001), которая обосновывала претензии Турции на роль «страны-оси» через категорию накопленного цивилизационного ресурса. Б.Арал (2019) показывает, что критика Совета Безопасности ООН строится именно на цивилизационном и демографическом, а не на материальном основании – Турция апеллирует к недопредставленности мусульманского мира и Глобального Юга, а не к собственному экономическому или военному весу. Т.Дудлак (2025) описывает этот же феномен через категорию «цивилизационного государства», в рамках которой глобальные институциональные претензии становятся продолжением региональной идентичностной программы.

Прочтение через стратегическую автономию

Альтернативное объяснение исходит из более прагматичной, ориентированной на интересы логики. З.Ониш и М.Кутлай (2021) характеризуют турецкую внешнюю политику постзападного порядка как поиск автономии, а не как проекцию идентичности. С.Айдын-Дузгит (2026) операционализируют «стратегическую автономию» как трехмерное явление – структурную позицию Турции в системе международных отношений, политические мотивы правящей элиты и экономическую инфраструктуру, обеспечивающую самостоятельность маневра. Эта автономия формировалась одновременно в нескольких регионах – на Ближнем Востоке и в Черноморском бассейне (B. Aran et al. 2026), что говорит скорее о гибкой, ситуативной адаптации к меняющемуся балансу сил, чем об исполнении заранее заданного идентичностного сценария. В этой оптике риторика реформы ООН – лишь один из инструментов более широкой стратегии хеджирования между Западом, Россией и Китаем.

Хронология и контекст: с чем совпадает усиление риторики

Если неоосманистское и автономистское объяснения предполагают разную логику, то они должны давать разные прогнозы относительно того, с чем именно должно коррелировать усиление лозунга.

Неоосманистская гипотеза предсказывает усиление риторики параллельно с ростом региональной, идентичностно окрашенной активности Турции – расширением культурной дипломатии, консолидацией ОТГ, наращиванием присутствия в пространстве бывшей Османской империи.

Автономистская гипотеза, напротив, предсказывает усиление риторики параллельно с ростом материального давления многополярной турбулентности – санкционных издержек, технологических ограничений и необходимости балансировать между несовместимыми партнерствами.

Эмпирически наиболее заметное усиление лозунга приходится на 2024–2025 годы – период, который по времени практически точно совпадает не с новым витком региональной идентичностной экспансии, а с обострением именно автономистских дилемм. Именно в этот период Турция завершает переход к серийному производству истребителя пятого поколения KAAN – программы, прямо возникшей как ответ на исключение Анкары из проекта F-35 после закупки российских систем С-400 (Defence Security Asia, 2026; The National Interest, 2026).

Одновременно аналитики фиксируют структурное сужение пространства для хеджирования: в издании Turkey Recap (2025) отмечается, что по мере кристаллизации глобальных конфликтов сохранять гибкость без четкого позиционирования становится для Анкары все труднее, а Belfer Center (2025) и CSIS (2026) описывают турецкую позицию между США и Китаем в терминах «риска», «рычага» и «стратегической двусмысленности» – то есть языком, характерным именно для анализа автономии средней державы, а не для анализа идентичностной экспансии.

Показательно при этом, что содержательно, а не только по времени, риторика «Мир больше пяти» обращена не к внутренним, идентичностно близким аудиториям – тюркскому или османскому пространству, а к внешним, структурно далеким от неоосманистской географии субъектам: Африке, Латинской Америке, широкому Глобальному Югу как совокупности государств, не входивших в состав Османской империи. Это существенно ослабляет объяснительную силу чисто идентичностной гипотезы: если бы лозунг был прежде всего продолжением региональной, османской по своей географии программы, логичнее было бы ожидать его концентрации на пространстве «ближних бассейнов» из «Стратегической глубины», а не универсалистской апелляции к максимально широкой и географически разнородной коалиции недопредставленных государств.

Обсуждение: дискурсивная оболочка и материальная логика

Сопоставление хронологии и содержания указывает на то, что ни одно из двух объяснений по отдельности не описывает феномен исчерпывающе. Материальный контекст усиления лозунга – санкционное давление, технологическая изоляция, необходимость балансировать между несколькими центрами силы, соответствует именно логике стратегической автономии, а не идентичностной экспансии в духе классического неоосманизма. Однако сама форма, в которой эта автономия артикулируется на международной арене, остается неоосманистской: Турция не формулирует свою позицию на языке узких национальных интересов или военно-технического баланса, а последовательно облекает ее в категории цивилизационной несправедливости и глобального представительства, восходящие к идентичностной логике «исторической глубины» А.Давутоглу (Davutoğlu, 2001).

Это позволяет предложить синтетическую интерпретацию, отличную от каждого из двух исходных объяснений в отдельности: лозунг «Мир больше пяти» правильнее рассматривать не как альтернативу неоосманизму или стратегической автономии, а как механизм их сцепления. Неоосманистский идентичностный репертуар выполняет функцию дискурсивной оболочки, легитимирующей перед различными аудиториями – внутриполитической, партнерами по Глобальному Югу, западными контрагентами, материальную логику автономного балансирования, которая в противном случае могла бы быть прочитана как ситуативный оппортунизм, лишенный принципиальной основы. Тем самым идентичностная риторика не столько маскирует прагматические интересы, сколько делает их социально приемлемыми и предсказуемыми, преобразуя тактическое хеджирование в связное политическое повествование.

Заключение

Ответ на исследовательский вопрос статьи не сводится к выбору между двумя альтернативами. Хронологическая и содержательная динамика лозунга «Мир больше пяти» показывает, что его усиление после 2024 года структурно связано прежде всего с материальным давлением многополярной турбулентности и с логикой стратегической автономии, а не с новым витком идентичностной, османской по своей географии экспансии. При этом форма, в которой Анкара артикулирует свою

автономную позицию, остается неоосманистской по происхождению и по риторическому репертуару. Это позволяет заключить, что «Мир больше пяти» является не проявлением одного из двух феноменов, а точкой их структурного сцепления: неоосманизм в данном случае функционирует как дискурсивный язык, на котором стратегическая автономия объясняется и легитимируется перед международной аудиторией.

Список литературы

1. Aral, B. (2019). “The world is bigger than five”: A salutary manifesto of Turkey’s new international outlook. Insight Turkey, 21(4).
2. Aran, A., Altunışık, M., & Kutlay, M. (2026). Turkey’s quest for strategic autonomy in the Middle East and the Black Sea regions. International Politics.
3. Aydın-Düzgit, S., Kutlay, M., & Keyman, E. F. (2026). Strategic autonomy in Turkish foreign policy in an age of multipolarity: Lineages and contradictions of an idea. International Politics, 63(1), 184–205.
4. Belfer Center for Science and International Affairs. (2025). Risk, leverage, autonomy: Turkey’s options in a U.S.–China world.
5. CSIS. (2026). Strategic ambiguity: Erdoğan’s Turkey in a multipolar world. Center for Strategic and International Studies.
6. Davutoğlu, A. (2001). Stratejik derinlik: Türkiye’nin uluslararası konumu. Küre Yayınları.
7. Defence Security Asia. (2026, May). Türkiye launches serial production of KAAN stealth fighter as Ankara targets 20 fifth-generation jets by 2030.
8. Dudlák, T. (2025). The rise of a civilisational state: Neo-Ottoman and Islamist civilisational discourse in Turkey. Religion, State and Society, 54(1), 15–18.
9. The National Interest. (2026, April). Turkey is about to join the fifth-generation fighter club.
10. Öniş, Z., & Kutlay, M. (2021). Turkish foreign policy in a post-Western order: Strategic autonomy or new forms of dependence? International Affairs, 97(4).
11. Turkey Recap. (2025). Hedging defined Turkish foreign policy in 2025.
12. Wendt, A. (1999). Social theory of international politics. Cambridge University Press.